

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327

МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ РАЗЛОМЫ В СТРУКТУРЕ ГЕОПОЛИТИКИ: цивилизационные спутники, этно-культурные осколки и политические сателлиты.

Часть 1. Свойства и функции цивилизационных спутников в системе геополитики

А.С. Филатов

Ключевые слова: цивилизационное ядро, цивилизационные спутники, политические сателлиты, национальный суверенитет, этно-культурные осколки, конфессии, геополитика, цивилизация, Российское культурно-цивилизационное пространство

АННОТАЦИЯ

Статья «Межцивилизационные разломы в структуре геополитики: цивилизационные спутники, этно-культурные осколки и политические сателлиты» состоит из трёх частей, которые сформированы исходя из требований объёма публикации в научном журнале. Содержательно эти части взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга, раскрывая важнейшие аспекты геополитических процессов, которые детерминируются культурно-цивилизационными факторами. Выделение в исследуемой проблеме, обозначенной заглавием статьи, трёх аспектов, связанных с цивилизационными факторами, социокультурными (в форме этно-культурных) мотивами и политической зависимостью государств, позволяет показать отличия цивилизационных явлений от социокультурных и различные способы их влияния на геополитические процессы и образование политических сателлитов в пространстве межцивилизационных разломов и соприкосновения социокультурных платформ.

В первой части статьи отмечается, что цивилизационные спутники обнаруживают себя, прежде всего, в политическом пространстве, точнее, в геополитическом, не как субъекты, а как инструменты в руках геополитических игроков. При этом, проявляются цивилизационные спутники с такими признаками культурно-цивилизационных особенностей, которые порождаются и питаются соседними цивилизационными ядрами.

Во второй части статьи даётся определение этно-культурных осколков, которые отстраивают себя от социокультурной системы переживающей кризис цивилизации, элементом которой они являются под воздействием исторических, природно-географических и социогенетических факторов. Этно-культурные осколки оппонировать некогда общему социокультурному пространству и сами порождают политический сепаратизм, который может использовать и цивилизационные альтернативы.

Проблему политических сателлитов в третьей части статьи автор рассматривает

сквозь призму геополитического противоборства, в котором статусные позиции игроков обеспечиваются их культурно-цивилизационными устоями. Субъекты геополитики, реализующие свою цивилизаторскую миссию в глобальном географическом пространстве, обладающие позитивным суверенитетом, становятся протекционистами для государств с признаками негативного или односторонне ограниченного суверенитета на международной арене. Причём, не всегда инициатива по устройству статуса политического спутника исходит от геополитических акторов, зачастую, она выдвигается самими слабыми государствами.

Summary

The article «Inter-civilizational faults in the structure of geopolitics: civilizational sputniks, ethno-cultural splinters and political satellites» consists of three parts, which are formed on the basis of the requirements for the volume of publication in a scientific journal. Substantially these parts are interconnected and mutually reinforcing, revealing the most important aspects of geopolitical processes that are determined by cultural and civilizational factors. The separation of three aspects related to civilizational factors, sociocultural (in the form of ethno-cultural) motives and political dependence of states in the studied problem, indicated by the title of the article, allows us to show the differences of civilizational phenomena from sociocultural and various ways of their influence on geopolitical processes and the formation of political satellites in the space of inter-civilization faults and the contact of sociocultural platforms.

The first part of the article notes that civilizational satellites find themselves, first of all, in the political space, more precisely, in the geopolitical, not as subjects, but as tools in the hands of geopolitical players. At the same time, civilizational satellites appear with such signs of cultural and civilizational features that are generated and fed by neighboring civilizational nuclei.

The second part of the article defines ethno-cultural fragments that build themselves away from the sociocultural system of a civilization in crisis, an element of which they are influenced by historical, natural-geographical, and sociogenetic factors. Ethno-cultural fragments oppose the once-common sociocultural space and themselves generate political separatism, which can also use civilizational alternatives.

In the third part of the article, the author considers the problem of political satellites through the prism of geopolitical confrontation, in which the status positions of the players are ensured by their cultural and civilizational foundations. Subjects of geopolitics, realizing their civilizational mission in the global geographic space, with positive sovereignty, become protectionists for states with signs of negative or unilaterally limited sovereignty in the international arena. Moreover, the initiative to establish the status of a political satellite does not always come from geopolitical actors, often it is put forward by the weakest states themselves.

Часть 1. Свойства и функции цивилизационных спутников в системе геополитики

Различие в понятиях «цивилизационный спутник» и «политический спутник» обнаруживается уже тогда, когда мы начинаем рассматривать этимологию и определения самих терминов – «спутник» и «спутеллит». Самым надёжным способом проведения сравнений этих терминов станет использование тех определений, которые мы можем найти в некоторых известных словарях. Развести понятия «цивилизационный спутник» и «политический спутник» необходимо не только по причине логики данного текста, возникающей вследствие исследования проблемы, опредмеченной в заглавии и предполагающей различное наполнение и функции явлений цивилизационного и политического характера, но и в связи с тем, что зачастую слова «спутник» и «спутеллит» рассматриваются как синонимы, что приводит к смешению понятий, даже если эти слова применяются только в политическом дискурсе. Тем более, целесообразно отмечать различия, когда рассматриваются цивилизационные и политические параметры в контексте геополитического конструирования социальных пространств.

В.И. Даль давал следующее определение: «спутник – попутчик, товарищ в пути» [1, С. 257]. В словаре С.И. Ожегова даются несколько версий: «1. Человек, который вместе с кем-нибудь совершает путь: весёлый спутник; спутник жизни... 2. *перен.* то, что сопутствует чему-нибудь, появляется вместе с чем-нибудь: улыбка – спутник хорошего настроения... 3. Небесное тело, обращающееся вокруг планеты... 4. Прибор, запускаемый с помощью ракетных устройств в космическое пространство и имеющий подобно небесным телам определённую орбиту...» [2, С. 1018]. По этим определениям, спутник выражает либо близкородственные связи, предполагающие совместные действия, либо признак того или иного явления, сущности, вещи. Следовательно, для спутника должны быть характерны некоторые свойства того, кого он сопровождает или признаком чего он является. Ещё один аспект, важный для данных определений, спутник сопровождает что-то или кого-то, являющимся главным в их взаимоотношениях. И сам процесс сопровождения предполагает определённые действия. Утрата притягательности или прекращение действий приводят к утрате спутника.

Очевидно, что к определению понятия цивилизационного спутника следует подходить несколько иначе, чем к определению термина «спутник», имеющего в значительной степени человеческие характеристики.

В Википедии термин «спутеллит» (от латинского *satelles*, родительный падеж *satellitit* – телохранитель, спутник) определяется в историческом ключе как «наёмный телохранитель в Древнем Риме» и в политическом – «государство, формально независимое, но фактически подчинённое другому государству» [См.: 3]. Несколько расширительно даются определения в Викисловаре, где добавляется: «*книжное, риторическое, ироническое* – приспешник, последователь; зависимое, подчинённое лицо, безличный исполнитель чужой воли». В качестве синонимов спутеллиту Викисловарь рассматривает слова «приспешник и последователь» [См.: 4].

Таким образом, данные словарные определения со всей определённой показывают терминологические различия слов «спутник» и «сателлит». Исходя из этого, соответственно, строятся и понятия цивилизационного спутника (спутников) и политического сателлита (сателлитов).

В качестве цивилизационных спутников выступают территории, получившие государственное оформление или нет, которые расположены в пограничной зоне между двумя или больше цивилизационными системами. Социокультурная среда этих территорий генетически однородна культурным установкам своей матричной цивилизации, но испытывает влияние (разной степени в различные исторические периоды) стандартов иной не матричной для себя соседней цивилизации. Естественно, что цивилизационные спутники тяготеют к матричной цивилизации по причине, прежде всего, социогенетического родства, даже единства. Однако, при политическом ослаблении государства, удерживающего матричную цивилизацию, цивилизационные спутники отрываются от родовой цивилизационной модели и пытаются встроить собственные социокультурные установки в систему цивилизационных стандартов соседней более устойчивой цивилизации. Следует отметить, что эти движения цивилизационных спутников от своей матричной цивилизации к соседней, с притягательными цивилизационными стандартами, и обратно, когда матричная цивилизация обретает устойчивую государственную структуру и входит в стадию политического подъёма, осуществляются в контексте геополитических процессов, характеризующих реализацию в географическом пространстве внешних политических интересов различных цивилизационных систем. Таким образом, цивилизационные спутники оказываются наиболее подвержены политическому влиянию.

Проводником цивилизационных переориентаций на территории цивилизационного спутника выступает политический класс или политическая элита, формирующаяся вследствие геополитических изменений в регионе. В случае, если социокультурная среда пограничной территории является гибридной от двух соседних социокультурных систем с присущими им цивилизационными типами, то изменение цивилизационных стандартов происходит кардинально в пользу нового цивилизационного выбора (что, к примеру, случилось в Прибалтийских республиках бывшего СССР). При значительной социокультурной удалённости цивилизационного спутника от соседней доминирующей цивилизации, политический класс сосредоточивается на аргументации своего особого цивилизационного пути, который расходится с матричной цивилизацией и приближается к доминирующим цивилизационным стандартам (Западная Украина, Грузия, например). Сами цивилизационные спутники со всей очевидностью обнаруживают себя именно тогда, когда матричная цивилизация обретает неустойчивость по причине политического кризиса её государственного устройства. В этот период цивилизационные спутники несмотря на то, что ранее их социальный ресурс был задействован в создании общего социокультурного пространства, покидают или стремятся покинуть природное цивилизационное поле.

Наряду с внешними цивилизационными спутниками, располагающимися на границе цивилизационных систем, существуют внутренние цивилизационные спутники, которые возникают во внутренних ареалах культурно-цивилизационного пространства и также пытаются выстроить отличные от своей цивилизационной матрицы цивилизационные ориентиры, направленные на существующие цивилизационные модели, не всегда прогрессивные и доминирующие. В этой ситуации для внутренних цивилизационных спутников иная, не матричная цивилизационная модель служит всего лишь политическим инструментом, с помощью которого политический класс стремится реализовывать свои интересы. Достаточно показательным примером такого рода политических действия было функционирование Республики Татарстан в Российской Федерации в 90-е годы прошлого столетия. В последнем случае цивилизационные ориентиры являются размытыми до такой степени, что угадать конкретную цивилизационную модель, к которой призывает политический класс цивилизационного спутника, вместо присущей ему матричной модели, практически невозможно.

В то же время, говоря о сути и природе цивилизационных спутников, необходимо отметить, что они не могут быть отнесены к негативным явлениям в культурно-цивилизационных процессах. Или, другими словами, возникновение цивилизационных спутников вполне естественный и необходимый процесс любого цивилизационного развития. Их существование объясняется четвёртым законом исторического развития Данилевского, который гласит: «Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, – когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию, или политическую систему государств» [5, С. 91]. Самым значимым в этом социологическом законе Данилевского является то, что он (закон) фиксирует полиэтничную и, отсюда, полиэтнокультурную природу социокультурной системы, образующейся в масштабах значительного природно-географического пространства и, соответственно, такой же характер его цивилизационного формирования. Политическое устройство цивилизационного формирования, на которое указывает Н.Я. Данилевский, может быть и иным, не только федеративным. Известно, что в ряде случаев унитарные государства создавали гораздо более благоприятные условия для этнокультурного развития сообществ и социального регионов, нежели федерации или государства с автономными этно-территориальными, либо административно-территориальными образованиями. Скорее всего, акцент, сделанный Н.Я. Данилевским на федеративном устройстве, связан с его концепцией Славянского мира.

То, что Н.Я. Данилевский называет этнографическими элементами есть этнокультурные сообщества или компоненты социокультурной системы, лежащей в основе цивилизационного формирования. Они всегда сохраняют, в различной степени, конечно, не только своеобразие в структуре социокультурной системы, но и определённый потенциал изоляционизма и сепаратизма. В период изменений

социокультурных установок и ценностей, цивилизационных стандартов, тем более при перезагрузке цивилизационной модели, центробежные тенденции в движении цивилизационных спутников возрастают. Отмеченные трансформации всегда сопровождаются политическим и даже государственным кризисом, вызываемым различными комбинациями перераспределения интересов между социальными группами и институтами (политическими и партийными в том числе).

Этно-культурные сообщества являются одним из основных источников формирования цивилизационных спутников. Для внутренних цивилизационных спутников этот источник определяющий. Для внешних цивилизационных спутников, образующихся на периферии (в пограничных зонах) культурно-цивилизационного пространства наряду с этно-культурным источником, исходящим от местных сообществ, большое значение имеют социокультурные импульсы и цивилизационное воздействие, исходящие от соседних культурно-цивилизационных формирований, тем более, когда эти формирования находятся на подъёме и опережают в развитии матричную цивилизацию. В этом случае цивилизационные спутники пытаются создавать эрзац-модели цивилизаций, к которым хотят пристроиться (например, в Грузии, начиная с периода президентства М. Саакашвили).

Выводя понятие цивилизационного спутника, в том числе из отмеченного закона Данилевского, мы ещё раз отмечаем, что с позиции ценностей социокультурного пространства и состояния определённого цивилизационного типа, цивилизационные спутники являются естественным следствием цивилизационного развития. В период устойчивого функционирования культурно-цивилизационной системы внутренние цивилизационные спутники практически не обнаруживают себя, сливаясь с ядром цивилизации, а внешние, с различной степенью интенсивности, лишь оттеняют социокультурное своеобразие данного цивилизационного формирования, находясь в состоянии прочной связи с установлениями по функционированию социальной системы, исходящими от цивилизационного ядра и скреплёнными эффективно действующим государственным механизмом.

Угрозу для культурно-цивилизационной системы цивилизационные спутники не представляют, даже если внешние из них навсегда покинут «орбиту» цивилизационного ядра. От них исходит опасность сугубо политического свойства, когда их начинают использовать государства других цивилизационных образований в качестве инструментов в геополитических отношениях или геополитической игре. И здесь, в случае образования на территории цивилизационного спутника формальных государственных институтов, они становятся политическими сателлитами действующих геополитических структур (государств, союзов государств, военно-политических блоков) с характерными культурно-цивилизационными признаками, которые рассматривают государство матричной цивилизации, к которой социогенетически и исторически принадлежит и данный отколовшийся цивилизационный спутник, как своего геополитического противника, если не врага. Примером здесь является Украина, трансформируемая в статус цивилизационного спутника под влиянием галицийского фактора, и превращённая в политического

сателлита Евро-атлантической цивилизации и предметно США, как её доминирующего центра.

В середине 90-х годов прошлого века датские политологи Х.Х. Хольм и Г. Соренсен в работе «Чей мировой порядок? Неравномерность глобализации и конец холодной войны» [Look: 6] предложили концепцию национального суверенитета, которая во многом была инициирована сложившейся к этому времени международной обстановкой и, прежде всего, на Европейском континенте. – Не только возникновение новых государств на политической карте мира, которые искали собственные модели развития, но и переформатирование всего мирового порядка, разрушение одних государственных союзов и военно-политических блоков и укрепление других, геополитические трансформации и перераспределение центров геополитического влияния, всё это заставляло обращать самое пристальное внимание на проблемы национально-государственного суверенитета. Примечательно, что в англоязычной редакции, применяемой в Европе и Северной Америке, Содружество независимых государств (СНГ), возникшее после распада Советского союза, стало называться New Independent States (NIS). Тем самым подчёркивалось, что Европейский союз и США несколько иначе смотрят на состояние национального суверенитета этих государств, нежели они сами и Российская Федерация, вокруг которой они, фактически, объединялись в Содружество. С учётом активного геополитического влияния на постсоветские республики, которое демонстрировали в конце прошлого века США и, в некоторой степени, Европейский союз, их представления о национальном суверенитете государств СНГ были подобными тем, которые они реализовали в отношении Восточно-европейских стран и Прибалтийских республик, включённых в состав военно-политического блока НАТО и Европейского союза.

Согласно концепции национального суверенитета Хольма и Соренсена, он имеет принципиальные отличия, применительно к государствам с различным статусом социально-культурного и политико-экономического развития, и проявляется в трёх типах: негативном, ограниченном (операционном) и позитивном суверенитете [См.: 7]. Негативный суверенитет лишь формализует государство на территории, в нашем случае – цивилизационного спутника, но не позволяет государственным институтам в полной мере управлять общественными процессами. Внешнее влияние государства с негативным суверенитетом практически сведено к нулю. В Европе примером псевдогосударства с негативным суверенитетом является Косово, территория, сепаратно отторгнутая от Сербии. Определённые признаки негативного суверенитета можно обнаружить также в Молдавии, с учётом олигархического фактора в государственной власти, который сейчас (2019 г.) пытаются нейтрализовать и ликвидировать.

Операционный или ограниченный суверенитет возникает в результате уступки определённого государственного образования части своего суверенитета другому государству, отличающемуся своей устойчивостью в геополитических процессах или выполняющему функции лидера геополитического региона. Формально такой вид суверенитета дает право участия в принятии решений другими

государствами, которым делегируются полномочия. Для Прибалтийских республик бывшего СССР, стран Восточной Европы, вступивших в Европейский союз и НАТО, такой тип суверенитета является наивысшей точкой достижения. Причём, Эстония, Латвия и Литва скорее ближе к состоянию негативного суверенитета, нежели полноценного операционного. Позитивный суверенитет de-facto присущ ведущим геополитическим игрокам, который даёт им возможность не только полностью контролировать внутренние процессы в своём обществе, но и активно продвигать свои государственные интересы на международной арене.

В контексте концепции национального суверенитета Хольма и Соренсена, мы можем заключить, что цивилизационные спутники, в случае государственного оформления их территории, в лучшем случае, могут претендовать на операционный суверенитет. Причём, операционный суверенитет может предполагать и свою внутреннюю градацию – национальный суверенитет, ограниченный двусторонними соглашениями, выработанными совместно с союзами государств или другими государствами, в структуры которых включается формально независимое государство и национальный суверенитет, ограниченный в одностороннем порядке требованиями (уставными документами и тому подобное) союза государств или государством, куда формально независимое государство включают. То есть, операционный суверенитет по природе своей является ограниченным суверенитетом, но, с двусторонними (с участием государства, обладающего формальными признаками национального суверенитета) либо односторонними (без участия этого государства) ограничениями. В последнем случае, односторонний ограниченный суверенитет мало чем отличается от негативного суверенитета.

Негативный суверенитет государства во многом связан с тем, что территория его формального распространения не располагает сложившейся социокультурной системой готовой продуцировать деятельность социальных институтов, прежде всего – политических, способных управлять этой территорией. Негативный суверенитет возникает в государствах, которые, по тем или иным причинам, откололись от крупного государственного образования, существующего на базе сформированного или формирующегося социокультурного комплекса и свойственной для него цивилизационной модели. В большей части государства с негативным суверенитетом в современном мире образуются вследствие соглашения основных геополитических игроков, субъектов геополитики или при поддержке одного либо нескольких центров геополитического влияния. Зачастую такой суверенитет ограничивается лишь юридическим признанием государства со стороны других государств и части международного сообщества. Сугубо формальный характер государств с негативным суверенитетом проявляется в том, что они не в состоянии осуществлять полноценное управление на своей территории и для реализации этих функций привлекаются международные институты или институты других государств.

Ещё одной особенностью таких территорий с ограниченным суверенитетом является то, что такой суверенитет фактически не имеет шансов развиваться в позитивный суверенитет и даже в ограниченный двусторонний (операционный)

суверенитет. В этом плане, негативный суверенитет носит для государства, являющегося его носителем, постоянный характер – оно либо обладает негативным суверенитетом, либо вообще не имеет суверенитета. Скорее всего, государство, утратившее статус даже негативного суверенитета, теряет признаки государственности. В этом и состоит смысл определения негативного суверенитета как постоянного.

Здесь мы рассмотрели политический формат развития территорий цивилизационных спутников, когда они приобретают статус государств с негативным или ограниченным односторонним (операционным) суверенитетом. Политический формат для цивилизационных спутников актуализируется, когда они находятся на внешней «орбите» от ядра своей матричной цивилизации и когда они располагаются в пограничной зоне с другими цивилизациями, имеющими в данный исторический отрезок времени доминирующие стандарты обустройства социокультурных достижений общества. Такие цивилизации создают сильные государства, которые выступают как центры геополитического влияния и участвуют в геополитических процессах в качестве субъектов. Естественно, что цивилизационные спутники, при том, что в их сообществах преобладают центробежные тенденции (культурного, цивилизационного и политического характера), оказываются в сфере притяжения других цивилизаций и геополитических акторов. В этом случае, важно подчеркнуть, что для политического оформления цивилизационных спутников в виде альтернативного проекта матричной цивилизации (и матричной государственности, соответственно) необходимым условием является формирование в социуме цивилизационного спутника такого политического класса, который инициирует, продвигает и утверждает в социальной среде установки на культурно-цивилизационную обособленность и, как следствие, политический сепаратизм.

Отсутствие политических факторов на территории цивилизационного спутника или их слабое проявление, по сути дела, снимает проблему политического сепаратизма и в значительной степени гармонизирует отношения с матричной цивилизацией. Культурные элементы сообщества цивилизационного спутника органично встраиваются в генеральный социокультурный комплекс и естественно дополняют его многообразие. Тогда в социокультурном формате цивилизационные спутники активно взаимодействуют с ядром своей матричной цивилизации и в перспективе укрепляют ядерную основу цивилизации своим возвращением в неё. Такие свойства цивилизационных спутников свидетельствуют о том, что

а) по природе они не являются какими-либо отклонениями от социокультурного комплекса и цивилизационного образования,

б) цивилизационные спутники в состоянии активно взаимодействовать с цивилизационным ядром и участвовать в формировании матричной цивилизации,

в) в процессе социокультурного взаимодействия с ядром и другими компонентами цивилизационного образования они могут становиться частью цивилизационного ядра,

г) даже находясь в статусе цивилизационных спутников, они являются

элементами определённой цивилизационной конструкции.

Таким образом, мы можем говорить о двух форматах цивилизационных спутников – внутренних и внешних. Внутренние цивилизационные спутники находятся в окружении цивилизационного ядра и потому их самостоятельный «выход на орбиту» возможен лишь тогда, когда это ядро распадётся. Как правило, распад ядра означает не только конец цивилизационного образования, но и ликвидацию самих цивилизационных спутников, которые поглощаются соседними цивилизациями и в результате происходит нивелирование их социокультурного потенциала. Например, в Древней Месопотамской цивилизации Халдейский цивилизационный спутник исчез после распада своей цивилизационной матрицы. Внешние цивилизационные спутники обнаруживают себя в период нестабильности цивилизационного образования, который сопровождается политическим (включая государственный) кризисом. В этот период на территории цивилизационных спутников могут складываться государства с ограниченным или негативным суверенитетом, которые становятся политическими сателлитами крупных геополитических игроков, центров геополитического влияния.

Использованные источники

1. Даль В.И. Иллюстрированный толковый словарь русского языка. Современная версия / В.И. Даль. – М.: Эксмо, 2009. – 288 с.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Издательства «Оникс», «Мир и Образование», 2008. – 1328 с.
3. Сателлит. Викисловарь – Свободная энциклопедия // Интернет-ресурс: <http://ru.wiktionary.org/wiki/сателлит>
4. Сателлит. Материал из Википедии — свободной энциклопедии // Интернет-ресурс: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Сателлит>
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. – 574 с.
6. Holm H.-H. & Sorensen G. Whose World Order? Uneven Globalization and the End of the Cold War. – Boulder: Westview Press. – 1995. – P. 195-204
7. Омаров Н.М. Самоидентификация как стратегический выбор государств Центральной Азии в начале 3-го тысячелетия // Ориентир, №3, 2004. – Режим доступа: http://omarov-nur.narod.ru/2004/Gosudarstvo_orientir.doc
<https://progaonline.com/antiplagiat/result/cb8457383eb0117f5c444112a5ef7d5e>

Keywords: *civilizational core, civilizational sputniks, political satellites, national sovereignty, ethno-cultural splinters, denominations, geopolitics, civilization, Russian cultural and civilizational space*

INTER-CIVILIZATION FAULTS IN THE STRUCTURE OF GEOPOLITICS:
civilizational sputniks, ethno-cultural splinters and political satellites

А.С. Филатов-доцент кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, кандидат философских наук, доцент.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК: 130.2

КОДЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ. КОНТЕКСТ ЭЛЕМЕНТОВ КУЛЬТУРЫ.

Белаш Н.В.

Предметом настоящей статьи являются коды повседневности в контексте элементов культуры. Сегодня в современных семиотических исследованиях, культурологи часто обращаются к понятию «культурного кода», понимаемого в гуманитарном знании как совокупность символов и знаков культуры, как некий «метауровень» для семиотического пространства.

Согласно мнению ученых-семиотиков, вся наша культура есть совокупность текстов и последовательности знаков.

Лингвист и культуролог В.А. Маслова полагает, что тексты являются «истинными хранителями культуры», так как они представляют собой «набор специфических сигналов, которые автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, не только непосредственные ассоциации, но и большое количество косвенных» [15].

И если наш мир – это текст, то культурные коды повседневности как некий комплекс культурных установок, ценностей и норм, в свою очередь, являются ключами к пониманию этих текстов и их дешифровке. Прочтение этих текстов невозможно осуществлять вне рамок определённого культурного контекста. Задачу проанализировать понятие культурного кода, его принципы, механизмы работы и смыслы ставит перед собой текст данного исследования.

Ключевые слова: *повседневность, коды повседневности, культура, культурный контекст, элементы культуры, семиотика, семиотика повседневности, быт.*

Нам известно, что абсолютно любое общество по сути состоит из ряда слоев, и в каждом из этих слоев существует своя система общепотребительных знаков. В каждом конкретном институте данные слои перемешиваются. Некоторые определенные средства выразительности доминируют в сложившихся обстоятельствах и узнать их возможно изнутри. Своя система кодов существует в каждой отдельной общности. Стоит заметить, что возможность связать эти отдельные знаки появляется лишь тогда, когда индивид оказывается уже вписанным в данную знаковую систему и изменить свое положение ему при этом же довольно трудно. Только форс-мажорные обстоятельства способны изменить

статус-кво. Например, смерть близких либо некоторые природные, общественные трансформации. В таком случае власть получают те, кто в большей степени освоили систему употребляемых в конкретном сообществе знаков. Этими людьми могут быть просто талантливые и умные индивиды, однако чаще те, кто сумел понять алфавит знаковых кодов. Языки культуры ежедневного существования зависят от разных объективных ситуаций, от закономерностей, существующих в развитии общества. Данными ситуациями выступают политические и экономические кризисы и потрясения, революционные изменения, а также стойкие стадии в общественном развитии. При этом упомянутые языки оказывают влияние на культуру ежедневного бытия как естественный язык, показателем которого выступает современная русская речь, так и абсолютно все коды, коммутирующие в обществе. Полное отражение этого явления мы находим в искусстве.

Необходимо понять, что несмотря на некую разобщенность языков, существует некоторые закономерности, что позволяют культурам понимать друг друга и сближаться, потому как любой язык формируется на основе его практической значимости и необходимости. А упомянутая практическая необходимость является время от времени общей как для северян и южан, так для и людей различных народностей. Общность эта – первооснова тех знаков, которые понятны без перевода на другие языки. Особенности восприятия индивидом мира вокруг формируется визуальными, тактильными и акустическими каналами, что приводит к полилингвистичности повседневности [1].

Человек всегда стремился понять знаковые системы культуры повседневности. Занимавшийся исследованием культурных явлений как знаковых систем в 1950–60-х годах Барт заложил основы семиотики культуры. В исследовании системы моды, проводившемся в 1957–1963 гг., ученый-семиотик пришел к заключению, что мода есть знаковая система, детальное рассмотрение которой может дать нам информацию о личности, которая репрезентирует себя в определенном типе одежды.

Барт по-своему трактовал подразумеваемые смыслы относительно культурных знаковых систем и наделял их следующими характеристиками:

Во-первых, коннотационные смыслы способны прикрепляться как к знакам естественного языка, так и к разнообразным предметам материального мира, которые выполняют практическую функцию и ставятся знаками-функциями. Например, одеяние является не только средством защиты от холодов, и пища нужна нам не только для питания. Предметы эти обладают социально-смысловой нагрузкой. К примеру, зимняя куртка и шуба из натурального меха хоть выполняют одну и ту же практическую функцию, а свидетельствуют при этом о различном социальном и имущественном положении их обладателя.

Во-вторых, смыслы эти скрыты и прямо никогда не демонстрируются, а только подразумеваются. Следовательно, они могут актуализироваться либо не актуализироваться в сознании тех, кто их воспринимает. Так как данные смыслы зависят от социокультурного контекста, они не фиксируются ни в каких словарях, а значит распознавание и трактовка их в большинстве своем зависит от кругозора и чутья воспринимающего.

К примеру, смысл того, что московские славянофилы носили русское платье, вполне ясен самим славянофилам и их противникам – западникам. За пределами же этого круга данный посыл не распознаваем. Указанное нами свойство идеологического знака является проблемой для историков культуры. От прошлого им остается только костяк денотативных значений, фактически полностью отчищенный от плоти социальных смыслов. При этом реконструкция данных смыслов и их прояснение как раз-таки входит в задачу историков культуры.

В-третьих, с легкостью «поселяясь» фактически в любом знаке, эти смыслы также просто могут и «освободить помещение». Они живут пока активен некий идеологический контекст, что их породил, и до тех пор, пока сами мы непринужденно и легко ориентируемся в данном контексте. Если же умирает контекст, то умирает и непосредственно сам смысл.

В-четвертых, данные смыслы изменяемы. То есть один знак или предмет естественного языка может подразумевать несколько значений. И напротив, одному означаемому может соответствовать множество денотативных знаковых носителей, что рассеивает слой коннотативных означаемых по всему дискурсу.

В-пятых, смыслы агрессивны. Им недостаточно мирного соседства со знаками денотативной системы, они жаждут подавить или даже вытеснить их.

В качестве примера возьмем толкование понятия «туземец» в словаре Даля. «Туземец» — это «здешний, тамошний уроженец, природный житель страны, о коей речь». В то же время во фразе: «На Земле живут один миллиард людей и четыре миллиарда туземцев» – денотативное значение теряется фактически абсолютно за счет иного идеологического наполнения слова.

Последующий этап развития семиотики заключался в переходе от словесных знаков к анализу культурно-исторических явлений и произведений искусства как знаковых систем.

Согласно мнению специалиста в области семиотики культуры С.Т. Махлиной, культура есть совокупность знаковых систем, посредством которой народ поддерживают свою сплоченность, обретая значимые для него (народа) ценности, и осуществляет связи с миром вокруг и иными культурами в нем. Упомянутые знаковые системы, именуемые чаще всего языками культуры, включают в себя как все виды искусства, так и всевозможную общественную деятельность, модели поведения, которые господствуют в указанном обществе (одежда, манеры, ритуалы, жесты). Также включены в языки культуры традиционные методы, при помощи которых сообщество поддерживает самосознание, заключающееся в истории, мифах, правовых системах, религиозных верованиях и свою историческую память. Определенный продукт деятельности культуры при этом понимается как текст, который породила одна или несколько систем. Основа же понятия культуры есть – естественный язык. Естественный язык является единственным средством, которое интерпретирует все системы и закрепляет их в памяти, вводя их в сознание группы и индивида [1]. Таким образом, в особом значении мы можем назвать язык первичной моделирующей системой, остальные же при этом выступают как вторичные.

Все, без исключения, человеческие культуры имеют под собой хотя бы две

знаковые системы:

1. Искусства, которые основаны на эксплуатации естественного языка,
2. Визуальные искусства, такие как живопись. То есть некоторые

иконические и символические системы.

Данная универсальная бинарность, двойственность культуры связана В.В. Ивановым с двойственной структурой человеческого мозга [13].

Между тем по ту сторону универсального двойственного порядка каждая отдельная культура на свой лад формирует иерархию собственных вторичных систем.

Для некоторых культур характерно доминирование литературы. Например, это было свойственно русской культуре XIX в. Иные культуры выделяют визуальное искусство. Вспомним в качестве примера, какова роль кинематографа и телевидения в современной культуре Запада. Есть культуры, отдающие предпочтение музыкальному искусству и т.д., и т.п. Отметим, что сегодня мы можем определить культуру как некую сложную иерархическую структуру, которая состоит из вторичных моделирующих систем [12].

Поговорим о культурном коде. Ребенок, который воспитывается в семье либо в приюте, приобретая знание родного для него языка, приобретает также знание кодов той социальной среды, в которой он воспитывается. Освоение кодов культуры – наука весьма непростая и состоит она фактически из цепей случайностей. Так что же из себя в сущности представляет культурный код? Давайте посмотрим, как рассматривал это понятие американский психолог – исследователь культуры Клотер Рапай.

Согласно мнению К. Рапай, культурный код есть бессознательный смысл вещи или явлений, еда, машина или даже страна в культурном контексте, в котором мы воспитывались. К примеру, то, как воспринимают джип в Америке, совершенно не совпадает с тем, какой бессознательный смысл закладывают в данную вещь в Германии или во Франции, поскольку пути развития у этих стран различны. В Америке живы воспоминания об открытых просторах, Франция и Германия помнят оккупацию и т.д. Поэтому и код, понятие, которое возникает у нас при упоминании данной машины, в каждой стране отличный. Тому причин довольно много, и они так или иначе сокрыты в особенностях того мира, в котором мы воспитывались и выросли.

Очевидно для большинства, что культуры различных стран отличны одна от другой. Но не все понимают, что именно по этой причине жители разных стран, носители различных культур различно воспринимают одну и ту же информацию.

Генезис понятия «культурный код» связан с тем, что гуманитарные науки позаимствовали из научно-понятийного аппарата точных наук данный термин, трактуемый в культурологическом знании как система сигналов, передающих информацию, и условных обозначений. Культурный код являет собой набор основных установок, норм, ценностей и понятий, которые служат для прочтения текстов культуры. То есть культурный код – это ключ к пониманию культурной картины мира, помогающий расшифровывать ее глубинный смысл. Культурный код помогает перевести мир обозначений в мир смыслов, раскрывая значение

всевозможных культурных феноменов.

Характерными чертами культурного кода является его универсальность, самодостаточность и открытость. В качестве яркого примера культурного кода мы можем привести систему имен в древних культурах. Имена носили сакральный смысл. Довольно часто предмет носил два или более имен, одно считалось истинным, другие общеизвестными. Поскольку имя было неотделимо от предмета, люди считали, что с ними можно совершать различные ритуалы, а второе имя могло оградить от этого.

В качестве кода в культуре также могут выступать моменты времени и временные отрезки. Пришествие Христа Спасителя в христианстве считается центром времени, и вся картина христианского мира строится, исходя из этой точки отсчета.

Коды культуры характерны для всех языков культур. Философская наука видит в данном термине следующие определения: код как знаковая структура, как система и правило для упорядочения символов, как строго «случайное», непредвиденное взаимобратное соответствие одного символа одному означаемому (согласно У.Эко).

Стоит также заметить, что для культурного кода характерны следующие признаки: иерархичность, демонстрирующая упорядоченность субкодов и выделяющая главенство одного, подчиненность остальных соответственно; экономичность, связанная с общей информативностью высказывания [14].

Зафиксированный код или образ – это как некий замок и подобранный к нему ключ. Зная последовательность букв и цифр, вы можете вскрыть его. Расшифровка огромного спектра впечатлений имеет большое значение. Ведь это помогает нам получить ответ на один из самых важных вопросов: что именно заставляет человека поступать так и никак иначе? Если мы сумеем понять культурный код, расшифровать его, это даст нам новый инструмент, мы словно бы станем обладателями новых очков, сквозь стекло которых сумеем изучить и свое поведение. Этот инструмент перевернет наше представление о действительности и изменит наши на него взгляды. Кстати, подобный инструмент использовала Рут Бенедикт в своей работе «Хризантема и меч», посвященной исследованию культуры японцев. Используя антропологический метод, автор попыталась взломать культурный код другой нации, чтобы лучше понять ее особенности [10]. Это подтверждает одну простую истину, всегда интуитивно нами ощущаемую, что, несмотря на общность человеческой природы, люди различных стран очень отличаются друг от друга. И понять эту разницу нам помогают культурные коды [11].

Вернемся к анализу кодов культуры повседневности. В семье каждого человека в процессе воспитания вырабатывается определенный язык общения, взаимодействия, коммуникации. Например, по тому как на него смотрит мама, ребенок понимает, является этот взгляд выражением ободрения или же напротив, порицания. По характеру шага или манере стука в дверь жена догадывается в каком настроении ее муж и т.д. На каждое семейство оказывают влияние те условия жизни, материальный достаток и жизненный уклад, которые формируются в ней,

влияет также степень образованности членов семьи и их статус в обществе.

Все это в свою очередь формирует тип общения. Стоит заметить, что в разных странах и в различных социальных слоях коды окружающей среды отличны друг от друга. Потому как даже географические условия, что рождают жизненный уклад, влияют на культурный код конкретного региона. Отличаются ритуалы, повседневные действия, способ и качество питания, которые сопровождают существование индивида. В качестве примера мы можем заметить, что в одном месте особым успехом и спросом пользуются шаньги, в ином отдают предпочтение пельменям, а в третьем случае выбирают драники. Очевидно, что ранний процесс социализации ребенка строго зависит от тех условий жизни, в которые тот был помещен. Приобретение же последующих культурных кодов зависит от форм устройства общества, в которое человека забросит его судьба. Будут ли это ясли или же детский сад, скаутский отряд, либо же пионерский лагерь, гимназия, лицей или школа – всюду формируются у человека соответствующие месту стереотипы поведения. Определенный отпечаток на личность человека также накладывает та специальность, которой он овладел. Заметим, что даже в одном городе, допустим в Петербурге, студенты творческих вузов отличаются друг от друга, у них различная манера одеваться, разнообразны формы общения и его характер, наличие специфического сленга у студентов определенного учебного заведения и т.д. Таким образом, мы понимаем, что во взрослую жизнь индивид вступает, обладая уже непосредственно индивидуальным набором приобретенных в период взросления и формирования личности кодов. И вот уже в новом, том или ином сообществе формируется индивидуальный язык общения. Существуют также еще некоторые общие черты, которые свойственны жителям определенных местностей. Их речь и сама манера говорить, держаться, то, как они одеваются, как и что едят, свойственные им жизненные привычки – все зависит от личного опыта. По тому, как люди ведут себя, по свойственным им особенностям, сформированным местностью, мы отличаем петербуржца от москвича или абхазца от крымчанина, англичанина от француза, немца от итальянца и проч.

Все эти народности, обитатели определенных регионов в конкретных условиях жизни и труда выработали свои отличительные особенности средств общения [1].

Понимание культурных кодов повседневности невозможно без осмысления такого понятия как «контекст культуры». Стоит прежде, чем мы станем говорить о контексте культуры, понять, как понимают саму культуру одни или другие ученые. Одни ученые понимают ее, как сумму всех видов деятельности, верований и обычаев, иные понимают ее, как унаследованный обществом комплекс практики, то есть определенную основу существования, для третьих же культура есть продукт жизнедеятельности людей и средство приспособления социума к природной среде, к его экономическим потребностям. Заметим, проанализировав взгляды на культуру разных ученых, что она (культура) является некой качественной характеристикой целостности общества. Каждое новое поколение берет от предыдущего некую основу, обеспечивающую ему целостность развития и непрерывность его. Вместе с тем наследуется и некоторая культурная традиция

прошлого поколения. Культура является неотъемлемой частью человека, при этом она существует вне его. Каким-то особенным образом культура определяет саму сознательную активность человечества, при этом регулируя и задавая характер организации и целевую ее направленность. Вернемся к контексту. Понятие «контекст» мы называем смыслообразующей категорией. В педагогической и культурологической литературе и в особенности в сфере психологии термин «контекст» употребляется довольно широко. В то же время само понятие контекста еще не вошло твердо в категориальный аппарат педагогической, культурологической и психологической науки. Этого термина, к примеру, мы не встретим в психологических словарях.

Понятие контекста пришло к нам из лингвистики, в логике и языкознании оно определяется как «относительно законченный в смысловом отношении отрывок текста или речи, в котором выявляется смысл и значение входящих в него слов или предложений, как лингвистическое окружение определенной языковой единицы». Как возможен переход от лингвистического к психологическому контексту? Осуществляется он при помощи понятия «ситуация», которое в психологии определяют, как систему условий, что побуждают индивида и опосредствуют его активность [2].

Большую и значимую роль в процессах переработки информации индивидом отводят контексту Д. Норман и П. Линдсей. «Благодаря контексту человек знает, чего ему следует ожидать, может осмысленно интерпретировать продукты восприятия» [3].

По мнению С.Л. Рубинштейна, всякое открытие есть открытие скрытых свойств предмета при включении его в новые связи. То есть в тексте, который мы желаем понять, все его элементы должны выступить в том определенном качестве, которым включаются они в данный контекст. «Понимание как процесс, как психическая мыслительная деятельность – это дифференцировка, анализ вещей, явлений в соответствующих контексту качествах и реализация (синтез) образующих этот контекст» [4].

Исходя из всего сказанного, мы можем сделать вывод, что контекст по сути является чрезвычайным фактором, который обуславливает отражение явлений и предметов объективного бытия, его личностный смысл.

Как писал П.В. Флоренский, творчество разума распадается на производство вещей, смысл которых не нагляден, и на производство смыслов, реальность которых совершенно не очевидна. Поэтому необходимо доказывать вещность смысла и осмысленность вещей [5].

Именно в контексте воспроизводится и производится смысл. Настоящее для человека приобретает смысл лишь в контексте будущего либо прошлого.

Смысл не может быть одномерен, он также не имеет одну плоскость, он по структуре своей иерархичен и встроен в некоторую общую смысловую вертикаль личности от прагматических смыслов конкретных житейских происшествий до самой вершины всеобщих смыслов жизни. Поскольку сам смысл не есть жестко заданный предмет, действие или вещь, а некоторая вариативная связь между действиями, вещами и предметами, а конкретнее даже вырабатываемый

личностный принцип связи, не прямой диктат от высшего к низшему, а скорее даже передача от цепи некоторых общих прицепов, рисунков соединения, секретов, которые способны проявить себя на конкретном жизненном материале. В каждой внутренней смысловой реалии в той или иной степени отражается весь смысловой ряд и вся смысловая иерархия человека, которая является стержнем его личности.

Как утверждал М.М. Бахтин, поступок человека есть потенциальный текст, и он может быть понят как таковой, а не как некое физическое действие только лишь в диалогическом контексте своего времени. Как реплика, как система мотивов и как смысловая позиция. Из этого вытекает, что контексты могут быть разных типов: деятельностные, исторические, культурные, поведенческие, социальные, эмоциональные и проч. [6].

Понятие «культурный контекст» предполагает рассмотрение культуры как результата действия законов смыслообразования. Являясь общей стратегической линией развития, смыслообразующая деятельность характерна для всех без исключения видов деятельности, будь то учебная, социальная или же игровая. Индивид развивается в пространстве смыслов, а значит всяческие окружающие его сущности являются продуктами смыслополагания.

«Именно принадлежность к единому смысловому пространству объединяет повседневную жизнь отдельного человека и историческую практику, интеллектуальную рефлексию и бессознательную память социального коллектива, а также великое множество иных проявлений активности в сплошном континууме культуры». Именно смысл заполняет пространство культуры. А.А. Пелипенко определял смысл как «дискретное состояние переживающего сознания, которое способно быть объективировано в форме того или иного культурного кода». Если соотнести смысл с культурой, то он есть «факт сознания, становящийся посредством семиотизации фактом культуры, поскольку семиотический эквивалент всякого субъективного ментального акта носит интерсубъективный характер, это синкретический квант ментально-культурного пространства». Сама культура определяется как пространство смыслов, то есть пространство, которое включает осмысление отношения субъекта к действительности [7].

Если мы будем рассматривать смысл в рамках культурологического определения, то он предстает перед нами как факт сознания, который осознает природную и неприродную, искусственную действительность и означает ее в пространстве культуры как необходимое условие существования человека. Смыслы всегда окружали человека, он постоянно живет в их пространстве. В.В. Налимов считал, что человек погружен в мир смыслов, он предполагал, что архитектоника личности человека – это смыслы. «Сознание человека выступает перед нами как некий текст. Всякий текст – это носитель смыслов» [9].

В.П. Зинченко подчеркивал в своих трудах, что смысл «действительно укоренен в бытии, но исходит из разума, конструируется в слове, в языке, а в сознании он утверждается или отвергается». «Человек извлекает смысл из мира текста, переводит его на свой язык предметных, операциональных или вербальных значений. Процедура в целом носит название означивания смысла. Означивание смысла, построение знака и «размещение» его между собой и миром – это и есть

культура, которая все превращает в знак, в язык, понимаемые в самом широком смысле» [8].

Выводы.

В заключении отметим, что понятие кода появилось в культурологии в результате заимствования термина из лексики точных наук. Культурные коды трактуется культурологами как сигналы, передающие информацию и как система условных обозначений. Культурный код, представляющий собой комплекс установок культуры, ее ценностей и норм служит ключом к прочтению текстов культуры, понимание которых невозможно так же без осмысления непосредственно ее контекста.

Список литературы

1. Махлина С. Т. Семиотика культуры повседневности: Монография / С.Т. Махлина. — СПб.: Алетейя, 2009. — 232 с.
2. Кравцова Н. П. Культурный контекст как условие реализации личностно-ориентированного подхода в образовании, URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3371, (Дата обращения:05.11.2020)
3. Линдсей П. Переработка информации у человека / П. Линдсей, Д. Норман — М.: Мир, 1974. — 552с.
4. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — М.: Педагогика, 1976. — 416 с.
5. Флоренский П. А. У водоразделов мысли / П. А. Флоренский. — М.: АСТ, 2009. — 352 с.
6. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа.// М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1986. — 300 с.
7. Пелипенко А. А. Культура как пространство смыслов: Структурно-морфологические аспекты. Автореф. дис. ... доктора философских наук / А. А. Пилипенко — М., 1999. — 50 с.
8. Зинченко В. П. Мысль и Слово Густава Шпета (возвращение из изгнания) / В. П. Зинченко — М.: УРАО, 2000. — 208 с.
9. Налимов В. В. Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного. В. В. Налимов, Ж.А. Дрогалина — М.: Мир идей, 1995. — 442 с.
10. Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры. Пер. с англ. / Р. Бенедикт. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. — 256с.
11. Рапай К. Культурный код. Как мы живем, что покупаем и почему. Пер с англ. / К Рапай. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. — 167 с.
12. Гринев-Гриневиц С. В. Основы семиотики. / С. В. Гринев-Гриневиц, Э. А. Сорокина – М.: Флинта – наука, 2012. – 255 с.
13. Иванов В. В. Чёт и нечет: асимметрия мозга и знаковых систем. / В. В. Иванов. – М.: Советское радио, 1978. – 185 с.
14. Софьянников О.Д., Кривенкова Т.А., Грек В.А., Культурный код

России.// Инновационные подходы в решении проблем современного общества. Сборник статей Международной научно-практической конференции. - Пенза: МЦНС "Наука и просвещение", 2018. - С.207-210.

15. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2001. 208 с

The subject of this article is the codes of everyday life in the context of cultural elements. If modern culture is a text, then the cultural codes of everyday life as a kind of complex of cultural attitudes, values and norms are the keys to its reading and understanding, which cannot be carried out outside the framework of a certain cultural context. The task of analyzing the concept of a cultural code, its principles and meanings is set by the text of this study.

Key words: everyday life, codes of everyday life, culture, cultural context, elements of culture, semiotics, semiotics of everyday life, everyday life.

References

1. Mahlina S. T. Semiotika kul'tury povsednevnosti: Monografija / S.T. Mahlina. — CPb.: Aletejja, 2009. — 232 s.

2. Kravcova N. P. Kul'turnyj kontekst kak uslovie realizacii lichnostno-orientirovannogo podhoda v obrazovanii, URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3371, (Data obrashhenija:05.11.2020)

3. Lindsej P. Pererabotka informacii u cheloveka / P. Lindsej, D. Norman — M.: Mir, 1974. — 552s.

4. Rubinshtejn S. L. Problemy obshhej psihologii / S. L. Rubinshtejn. — M.: Pedagogika, 1976. — 416 s.

5. Florenskij P. A. U vodorazdelov mysli / P. A. Florenskij. — M.: AST, 2009. — 352 s.

6. Bahtin M. M. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnyh nauk. Opyt filosofskogo analiza.// M. M. Bahtin. Jestetika slovesnogo tvorchestva. — M.: Iskusstvo, 1986. — 300 s.

7. Pelipenko A. A. Kul'tura kak prostranstvo smyslov: Strukturno-morfologicheskie aspekty. Avtoref. dis. ... doktora filosofskih nauk / A. A. Pilipenko — M., 1999. — 50 s.

8. Zinchenko V. P. Mysl' i Slovo Gustava Shpeta (vozvrashhenie iz izgnanija) / V. P. Zinchenko — M.: URAO, 2000. — 208 s.

9. Nalimov V. V. Real'nost' nereal'nogo. Veroyatnostnaja model' bessoznatel'nogo. V. V. Nalimov, Zh.A. Drogalina — M.: Mir idej, 1995. — 442 s.

10. Benedikt R. Hrizantema i mech: Modeli japonskoj ul'tury. Per. s angl. / R. Benedikt. — M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2004. — 256s.

11. Rapaj K. Kul'turnyj kod. Kak my zhivem, chto pokupaem i pochemu. Per s angl. / K Rapaj. — M.: Al'pina Biznes Buks, 2008. — 167 s.

12. Grinev-Grinevich S. V. Osnovy semiotiki. / S. V. Grinev-Grinevich, Je.

- A. Sorokina – M.: Flinta – nauka, 2012. – 255 s.
13. Ivanov V. V. Chjot i nechet: asimmetrija mozga i znakovyh sistem. / V. V. Ivanov. – M.: Sovetskoe radio, 1978. – 185 s.
14. Sof'jannikov O.D., Krivenkova T.A., Grek V.A., Kul'turnyj kod Rossii.// Innovacionnye podhody v reshenii problem sovremennogo obshhestva. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. - Penza: MCNS "Nauka i prosveshhenie", 2018. - S.207-210.
15. Maslova V. A. Lingvokul'turologiya: ucheb. posobiye dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy. M., 2001. 208 s